

Наиль Акчурин

Настя

— Ура!!! Ура!!! Мы едем к бабушке!

Я не мог скрыть своей радости и, подняв высоко руки, бегал по комнате.

— Тише... Тише, Стас, — мама приложила палец к губам, а затем улыбнулась, — ты так всех соседей на ноги поднимешь.

Но на мой радостный крик в комнату вошёл только папа. Он сурово посмотрел вначале на маму, затем на меня. Уяснил, что никакой катастрофы в доме нет, строго покачал головой и ушёл в свой кабинет заниматься работой.

Мой папа юрист — старший советник юстиции, ему приходится много работать. Он почти каждый день засиживается за компьютером до позднего вечера: составляет документы, распечатывает их, а затем ходит по комнате и вслух читает. Мама часто обижается, говорит, что кроме работы его ничего не интересует.

Папа с этим не согласен. Просто он не любит, когда мы с мамой уезжаем к бабушке в деревню, и оставляем его одного. А работа? Он без неё не может. Она смысл его жизни и призвание. Из-за неё он не всегда ходит с нами в театры, музеи, на концерты. Да и на собрания в школу, и на

показательные тренировки в спортивный клуб «Юность» мне приходится брать с собой маму. Меня это не напрягает. Только не хочется лишний раз её беспокоить. Она у нас домохозяйка и ей не нравится городская суэта. Хотя мы только несколько дней тому назад вернулись из заграничной поездки, наша московская квартира, толчея на улицах, автомобильные пробки вновь стали её раздражать.

Мне недавно исполнилось тринадцать лет. Вот уже два года я занимаюсь в секции по футболу и хочу стать знаменитым спортсменом. Однако наш тренер Егор Кузьмич предупреждает нас: — Знаменитыми из вас станут единицы. Я хочу, чтобы вы стали настоящими людьми, патриотами своей Родины.

Мы с ним соглашаемся, хотя в тайне каждый мечтает стать звездой спорта.

В этом году, в начале лета мы всей командой были на спортивных лагерных сборах. Жили в палаточном городке на берегу реки и три раза в день тренировались. Было тяжело: кусали комары, болели мышцы, всё время хотелось, есть, а ранним утром приходилось подниматься по команде тренера. Но все ребята выдержали, ведь мы команда и настоящие спортсмены. Хотя вечером перед сном мне очень хотелось к бабушке.

Мы к ней ездим каждый год. Там у нас много

родственников. Двоюродный брат Вовка на год старше меня — мой лучший друг. Его отец — дядя Слава фермер. Он засекает поля пшеницей, держит большие стада коров и овец, в прудах выращивает рыбу, к тому же он страстный охотник и неувядающий человек.

В прошлом году мы с Вовкой помогали ему по хозяйству: кормили в прудах рыбу, приглядывали на лугах за стадом овец, выгуливали охотничьих собак. А их у него семь особей различных пород. Мне полюбилась молодая немецкая легавая по кличке Хильда. Она во мне души не чаяла. Ходила за мной по пятам. Так, что дядя Слава стал её ко мне ревновать. Смеялся и говорил: — Придется тебе парень собаку забирать с собой в Москву.

Я просил дядю Славу взять меня с собой на охоту. Но мама не разрешила, предупредила, что для этого ещё слишком маленький. Дядя Слава поддержал маму, но твердо заверил взять меня с собой на следующий год.

— К тому времени твоя любимица Хильда подрастёт и станет опытной подружейной собакой.

И как же грустно мне было с ней расставаться. Она всё понимала. Когда мы собирались уезжать, скулила и плакала. Долго бежала за нашей машиной по бескрайним полям, пока мы не остановились. Мама по телефону дозвонилась до дяди Славы. Он

вскоре подъехал, взял собаку на поводок, посадил в свою машину и отвез домой в предназначенный для неё вольер.

Я тоже плакал. Кроме Вовки и Хильды, мне не хотелось расставаться с Настей. В прошлом году она вместе с родителями приезжала погостить к своей бабушке, которая жила по соседству. Она хорошая и красивая девочка. Мы с Вовкой влюбились в неё, но друг другу в этом не признавались. Вовка из-за своей бравады, как старший брат, а я из-за застенчивости. Вовка перед ней выказывал силу, смекалку, находчивость, лидерство, а Настя только смеялась и всю свою дружбу отдавала мне. Вовка злился, но вынужден был с этим смириться.

Настин папа — Владимир Ильич — ученый орнитолог. Он много путешествовал. С научными экспедициями объездил большинство стран мира. Как и дядя Слава, Владимир Ильич причислял себя к охотникам, только вместо двустволки всегда имел при себе фоторужье. Сделанные им фотографии размещались на страницах многих журналов и на стендах художественных выставок. А нам он рассказывал истории про различных птиц, о которых я до этого не знал — про перепела и куропатку, вальдшнепа и селезня. Нам было очень интересно.

Почти каждый день ранним утром мы с

Вовкой и Хильдой поджидали Владимира Ильича и Настю на берегу большого пруда, а затем все вместе отправлялись в лес, чтобы насладиться его красотами, разглядеть и познать его тайны.

Возвратившись из леса, мы часа два отдыхали, затем садились на велосипеды и ехали загорать на дальний пруд. На его берегу располагался деревенский пляж, и все желающие искупаться непременно устремлялись туда.

Вовка хорошо плавал и нырял. В воде его было не догнать. Он, шутя, под водой проплывал через весь пруд. И, конечно, не уставал бравировать этим перед Настей. Она тоже хорошо плавала, для этого всю зиму посещала секцию плавания в бассейне. Так, что в эти часы мне нечем было похвастаться.

Зато, когда стали проводиться межрайонные соревнования по футболу, Вовка сразу представил меня тренеру — учителю физкультуры сельской школы. Тренер по достоинству оценил мои навыки и очень просил маму задержаться с отъездом на несколько дней. К этому времени мы с командой сумели выиграть два матча и выйти в следующий круг соревнований. Настя тоже, под видом ярой болельщицы, радеющей за честь села, уговаривала маму остаться погостить на недельку. Но билеты были уже куплены, и голос папы в трубке телефона с каждым днём звучал всё строже и строже.

В последний вечер перед отъездом мы с Настей спрятались от всех на чердаке дома её бабушки. Через слуховое окно едва пробивался свет Луны и мелкой россыпи звезд. Нам пришлось зажечь свечу и поставить её на кирпичный выступ печной трубы. С нами был ещё Настин любимец белый кот по кличке Ричард. Настя держала его на руках, гладила и периодически прижимала к щеке.

— Ты так любишь Ричарда? — я задал вопрос дрожащим от волнения голосом.

— Да, — Настя отчего-то рассмеялась, и от её нежного голоса я ещё больше разволновался.

— Бабушка говорит: он у нас волшебный. Если его погладить и загадать желание, то оно обязательно сбудется.

— А ты уже загадала?

— Конечно.

— И о чем же оно?

— А этого нельзя никому говорить. Иначе оно не сбудется.

— А мне можно загадать?

— Можно. Возьми его на руки.

Настя протянула Ричарда и уложила на моих руках.

— Поглаживай его, и когда он начнёт мурлыкать, мысленно передай ему своё заветное желание.

Желание в ту минуту у меня было лишь одно:

чтобы наша дружба никогда не кончалась и чтобы мы, как можно чаще могли с ней видеться...

Весь год мы с Настей и Вовкой переписывались по интернету. И даже общались друг с другом через программу «скайп».

Вовка за год вырос на десять сантиметров и уже походил на взрослого юношу. Я тоже за год подрос, но всё же в зрелости, как старшему брату, Вовке уступал. И, тем не менее, он несколько раз напоминал мне про межрайонные соревнования. В прошлом году они всё же в финале без меня проиграли, и теперь вся сельская детвора жаждала реванша. Готовился к нему и я.

В один из сеансов связи я попросил брата показать мне Хильду. Признаться: лучше бы я этого не просил. Когда собака увидела меня на экране и услышала мой голос, она вначале жалобно заскулила, затем завиляла хвостом, стала рваться мне навстречу через экран компьютера, не предполагая, что нас разделяют тысячи километров. Вовке пришлось силой её оттаскивать, а мне долго слышать, жалобный собачий плач.

С Настей мы переписываемся, как только появляется возможность. Она живет в Санкт-Петербурге, но в летние месяцы одна или с семьёй стремится на природу. В этот раз она побывала с друзьями в лагере скаутов. Это где-то в Карелии. Жила по законам племени индейцев и

получила там новое для себя имя «Дыхание Дня». Она обещала при встрече обо всём подробно рассказать. А пока прислала много фотографии из своей походной жизни...

— Сынок! Ты о чем задумался? Давай-ка собирай свои вещи, пока папа не передумал. Завтра отъезжаем.

— Хорошо, хорошо, мама...

Я стал спешно собирать вещи, хотя точно знал, что папа в этот раз не передумает.

Первым делом я положил в сумку спортивную форму: щетки и бутсы, гетры, майку и трусы. Затем новый футбольный мяч в подарок Вовке и сельской детворе. Хильде мы с мамой купили электронный ошейник, а дяде Славе теплый охотничий костюм. Больше всего подарков предназначалось бабушке. Мама сама выбирала в магазинах вещи нужные в сельском быту. Но что же мне подарить Насте? Этим вопросом я мучился весь остаток дня. Пока мама с улыбкой не подсказала: — Коль она у тебя индеец, давай подарим ей каменные бусы и кожаную повязку для волос. Заодно купим тебе шляпу с большими полями от солнца. Будешь у меня как настоящий ковбой.

Я согласился. Ковбой, так ковбой. Только бы Насте понравилось. Но я знал, что она девочка умная и понимает: главное не подарок, а внимание.

До бабушки мы ехали почти целые сутки. Она жила в селе близ небольшого городка Калининска Саратовской области. Раньше он назывался Баланда — по названию реки, что в переводе с древнетюркского языка означает рыбная река.

В летописи он упоминается со второй половины 16 века.

Первыми поселенцами в этих местах были донские казаки, промышлявшие здесь охотой и рыбной ловлей. В 18 веке большая часть земель, вместе с жившими здесь людьми, царским указом была пожалована графу Шереметьеву, затем в 1861 году при отмене крепостного права роздана крестьянам. В 1919 году Баланду посетил впоследствии «всероссийский староста» Михаил Иванович Калинин. Тогда он выступал на митингах перед рабочими — железнодорожниками, жителями села, солдатами с призывом: Власть — Советам! Земля — крестьянам! Мир народам! В 1962 году в честь него Баланда была переименована в город Калининск. Название современное, красивое, только оно мало роднит историю города с лихими атаманами и свободолюбивыми казаками, которые в начале славного пути «взимали пошлину» с богатых торговых караванов.

Чтобы добраться до Калининска, мы всю ночь

тряслись в поезде, а затем, из-за сломанного кондиционера, три часа парились в автобусе. Но эти неудобства для меня нипочём. Я больше переживал за маму. У нас с собой было много сумок, и она очень беспокоилась за их сохранность. Особенно при переезде с одного вокзала на другой.

Но всё обошлось, в Калининске возле автобуса нас встретили дядя Слава и Вовка. Втроем мы быстро положили поклажу в багажник джипа и отправились на наше фермерское хозяйство. На наше, потому что моя мама является акционером и одним из учредителей данного предприятия. И хотя за производством она не следит, но ежеквартально получает от дяди Славы и просматривает вместе с папой финансовые отчеты о его работе.

Минут через двадцать наша машина свернула с асфальтовой дороги.

На удивлённый взгляд мамы, дядя Слава пояснил: — Сократим путь. Дорогу мы весной подготовили, так что по ней ехать одно удовольствие.

Было позднее июльское утро. Поднимаясь к зениту, Солнце, своими золотыми лучами, словно отталкивалось от Земли. Оно нежно озаряло колоссящиеся поля и лесопосадки, далекий хутор и башню белой церковной колокольни. Вдалеке, возле опушки леса, на лугу паслась большая отара овец. За ней следил пастух на высоком темном

коне. Чуть поодаль, возле большого пруда, ещё один пастух гнал стадо коров на водопой. Мы сидели с Вовкой на заднем сидении джипа и молчали. Нам с ним всегда есть о чём поговорить, но в данный момент нас переполняли чувства гордости за наше общее доходное дело.

— Так пацаны, у вас какие на сегодня планы? — строго спросил нас дядя Слава.

— У нас сегодня тренировка в шесть часов... — Вовка стал пояснять отцу:

— А остальное всё по плану...

Но дядя Слава его перебил: — План у нас такой: приезжаем..., двадцать минут отдыхаете..., затем обед..., ещё полчаса отдыхаете, после этого садитесь на велосипеды и едете помогать Василичу. Когда работу у него закончите, можете идти на тренировку, на пляж и даже по девочкам.

Дядя Слава игриво, с улыбкой на лице, подмигнул маме.

На что мама, озабочено, спросила: — А что там, у Василича делать?

— Там работы полно: рыбу кормить, мусор убирать... и всё, о чём попросит Василич.

Дядя Слава повернул к нам голову и переспросил: — Всё поняли?

— А им не тяжело будет?

Мама вновь проявила заботу.

— Для этих двух бугаев, Марина, это

разминка перед тренировкой.

И затем, обращаясь к нам, чтобы убедить маму в правдивости своих слов, спросил: — Правильно я говорю пацаны?

— Правильно, правильно, — за нас двоих ответил Вовка.

Я молчал, потому как понятия не имел, что там нам предложит Василич...

Увидев нас, бабушка заохала и заохала. Обеденный стол для нас уже был накрыт, и с самого порога очень вкусно пахло пирогами.

Светлана Андреевна — мама Вовки — расцеловалась с мамой, а затем взъерошила мне на голове волосы. Это так она выражала свою ко мне симпатию: — Ну-ка, дай я на тебя посмотрю... Как вы с Вовкой похожи...

— Ну, конечно, — укоризненно пояснила бабушка, — они же братья и одна казачья порода.

Светлана Андреевна старалась не обращать внимания на бабушкин максимализм. И правильно делала. Его старались не замечать все в нашей семье. Даже мой папа...

А порода у деда с бабушкой была, что надо. Оба высокие, ширококостные, с черными глазами и волосами. Дядя Слава и мама взяли от них половину, а мы с Вовкой и того меньше.

Бабушкин дом был небольшим по современным меркам. Он состоял из трех больших

комнат, кухни, летней веранды и земельного участка в двенадцать соток. Вместе с дедом они построили его в семидесятые годы прошлого века, обиходили и счастливо жили вместе со своими детьми. Но затем мама вышла замуж и уехала жить в Москву. Дядя Слава женившись, построил себе двухэтажный коттедж. Когда пять лет тому назад дедушка Иван Андреевич умер, дядя Слава предложил переехать бабушке жить в его большой дом, но бабушка наотрез отказалась, предупредив всех нас: — Умирать я буду в своем доме.

Бабушка любит, когда по заведенной традиции вся семья собирается на обед в её доме. Она будто оживает, становится веселой, говорливой и, по всему видно, чувствует себя счастливым человеком. Рядом с ней в её доме нам всем тепло и уютно, а вкусный обед с пирогами за разговорами может длиться часами.

Мы с Вовкой за столом не стали засиживаться. Разговоры взрослых нам не интересны. Отведав всех блюд по чуть-чуть, стали собираться к Василичу. На улице стало жарко. Я переоделся в спортивные майку и трусы. Не забыл прихватить шляпу с широкими полями. Спросил разрешения у дяди Славы взять с собой Хильду. Однако на сей раз дядя Слава был категоричен: — Нет, собаку брать не стоит. От охотничьего дома до сторожки Василича километра три. На велосипедах,

по такой жаре вы собаку загоните. Заезжайте на псарню, поздоровайтесь, а гулять пойдете с ней завтра ранним утром или, если желание будет, сегодня вечером. И без меня в вольер к собаке не заходите.

Я возражать не стал. Дядя Слава опытный заводчик охотничьих собак. Они все у него отлично выдрессированы и обладают хорошими рабочими качествами по добыче трофеев.

Мы выкатили с Вовкой из бабушкиного сарая велосипеды и поехали здороваться с Хильдой.

Охотничий дом, как принято было его называть, находился от села в километрах пяти. Он располагался в живописном месте на опушке леса и включал в себя гостиничный комплекс, псарню с десятью вольерами и фермерские пристройки для содержания фазанов, перепелов и подсадных уток. Обслуживали это хозяйство брат Светланы Андреевны Федор Андреевич и его жена Алевтина Михайловна. Они в этом доме постоянно и проживали.

Когда мы туда приехали, нас встретил Федор Андреевич. Громкий лай собак заставил его отложить дела и выйти навстречу гостям.

— А я думаю, что они так расшумелись? А тут к нам гости!!! — улыбочиво встретил нас дядя Федя.

— Здравствуйте, Федор Андреевич!

— Ну, здравствуй, здравствуй Стас! С Вовкой мы сегодня уже виделись... Приехал, значит...

— Да хотел вот Хильду повидать.

— Ну, правильно, иди, поводиай, поздоровайся. Она во втором вольере, Вовка покажет.

Я пошёл вслед за братом. Сердце моё учащённо забилося. Как она моя любимица?

— Вот она!

Вовка постучал ладонью по сетке вольера.

— Хильда! Хильда! Хорошая моя!

Мне навстречу к сетке подошла красивая подросшая Хильда, но теперь она не радовалась, как прежде, а безучастно посмотрев на меня, ушла в дальний угол и спряталась в конуре.

— Что это с ней? Она что меня не узнала?

— Узнала, — с грустью ответил Вовка. — Только у собак свои законы и предательство они никогда не прощают.

— А я что её предал?!

Комок подкатил к горлу, и я готов был разрыдаться.

— Но ведь собака всех человеческих нюансов не понимает, — утешил меня Вовка.

— Да, конечно, — мне с горечью в сердце пришлось с этим согласиться.

Я почему-то вспомнил и подумал про Настю. Может быть, она меня тоже считает предателем. Но

мне казалось, что за время, проведенное вместе, у неё не было повода считать меня таким.

Мы с Вовкой о ней не говорили. Я знал, что она приедет только к концу недели. Но в эту минуту грусть по ней и желание видеть её нахлынули на меня с ещё большей силой.

* * *

— Да не расстраивайся ты так из-за собаки, — Вовка старался меня утешить, — завтра пойдем с ней гулять, и она вновь станет твоим лучшим другом.

— Ты сам-то в это веришь? — с грустью спросил я брата.

— Ну, не лучшим, но другом... Чтобы быть лучшим, надо быть её хозяином... Ты же в Москву её с собой не возьмёшь?

— У меня мама не любит собак...

— Мама, папа, не надо ничего выдумывать. Просто самому тебе в Москве некогда собакой заниматься. Вот в этом вся причина, — категорично расставил всё по местам Вовка.

Мы с ним сидели на лавочке возле дальнего пруда, после отработанных, под началом Василича, двух с половиной часов.

Василич нас особо работой не загружал. Вначале попросил покормить карпа в каскаде

спускных прудов. Корм он сам заранее подготовил: в отведенном для этого ангаре он перемешал и измельчил в крупорушке все необходимые ингредиенты. Нам нужно было только его лопатами загрузить в садовую тележку, по дороге докатить корм к мосткам и затем совком равномерно раскидать на гладь специализированных прудов. Их было шесть, размером пятьдесят на двадцать пять метров, они располагались в два ряда друг за другом.

В работе мы с Вовкой разделились. Он взял под обработку один ряд, я другой.

По девять садовых тележек, из расчёта три на пруд мы за час их раскидали. Затем Василич отправил нас на дальний пруд. Необходимо было на пляже собрать оставленный отдыхающими мусор и подергать в воде разросшиеся водоросли.

Пляж считался платным, правда, только для приезжих туристов. Для местных жителей вход был свободным. Каждый в округе житель поддерживал заведенный дядей Славой порядок. И, тем не менее, один раз в день пляж требовал уборки. В будничные дни, со вторника по пятницу — поменьше, после выходных иногда мешки с мусором не помещались в багажник автомобиля.

Сегодня был вторник, и особо убирать было нечего. Но вот с водорослями повозиться пришлось. По краям пляжа они разрослись так густо, что в

воде пройти через них было невозможно. Да и выдернуть с корнем одновременно несколько растений было сложно. Мы попробовали с Вовкой накрутить водоросли на грабли и вдвоем выдернуть. Но не тут-то было. Так что работа выдалась кропотливой. Одно растение за другим поочередно выдергивали и выбрасывали на берег.

Всю водную гладь пляжа очистить не успели, оставили на завтра. Решили немного передохнуть и вернуться домой. Нам нужно было ещё оставить силы на тренировку.

— Ты с Настей переписываешься? — задал после затянувшейся молчаливой паузы вопрос Вовка.

— Переписываюсь, — ответил я брату, хотя мне откровенничать на эту тему не хотелось.

— А на мои письма она не отвечает, — с досадой констатировал Вовка, — ну, правильно, вы городские, у вас свои интересы.

— Да, что ты выдумываешь? Какие интересы? — попытался я утешить брата, хотя в душе мне это было приятно. Наши разговоры с Настей, наша симпатия — значит, они принадлежали, только нам двоим.

— Такие!.. Ладно уж, поехали, — нервно оборвал мои вопросы Вовка. Он набрал по сотовому телефону дядю Славу, доложил о проделанной работе, затем вызвал бабушку и

предупредил, что мы выезжаем, и у нас не так много времени на распитие вечернего чая...

Набивать живот пирогами не позволяла самодисциплина. Через час должна была начаться тренировка, и лишний съеденный кусок мог не позволить провести её на должном уровне.

— Ешь, Стас, ты на Вовку не смотри, он привык так питаться, — бабушка уговаривала меня попробовать хоть какое-нибудь из приготовленных ею блюд, — Что ж тебе совсем ничего не по вкусу?

— Да нет, что ты, бабушка, всё очень вкусно, просто у нас запланирована тренировка.

— Э, тренировка, всё не по-людски. Сели бы поели, а потом на тренировку.

Мы спорить с бабушкой не стали, чтобы лишний раз её не расстраивать, с чаепитием закончили, надели спортивную форму, (бутсы и новый мяч я положил в сумку), затем сели на велосипеды и поехали на школьный стадион.

До начала тренировки было ещё минут сорок. Но мы с братом оказались не первыми. Два брата, Степановых Андрюшка с Илюшкой, и Колька Спиридонов пытались наладить игру в пас полуспушенным волейбольным мячом. Это едва удавалось. Мяч был легким, летел чуть быстрее, чем мыльный пузырь и отскакивал от каждой кочки по замысловатой траектории. Совсем другое дело, когда мы накачали новый футбольный мяч фирмы

Nike. Парни такого никогда не видели и не держали в руках, ни то чтобы им играть. Поначалу, мне показалось, им бить его ногой было жалко. Но это чувство быстро улетучилось. И, тем не менее, Андрюшка не сдержался и сказал: — Мы на нашем поле его быстро обшарпаем.

Да, поле, конечно, оставляло желать лучшего, но для деревенского стадиона всё было на должном уровне: железные ворота с сеткой, разметка и даже лавочки для зрителей. Это дядя Слава постарался, как главный спонсор и вдохновитель.

— Ты не беспокойся. Он для этого и сделан, чтобы по нему ногой бить, — подначил приятеля Вовка.

— Да я и не беспокоюсь, просто, когда он новый, то красивее, — отпарировал Андрюшка.

Конечно, деревенские ребята мастерски играть в футбол не умели. Я это понял ещё год назад. Кроме огромного желания пинать мяч, в их спортивном арсенале ничего не было, и по первым ударам по мячу стало ясно, что за год больших изменений не произошло. Утешало лишь то, что на районных соревнованиях предстояло встретиться с соперниками примерно такого же уровня. Из шести команд, подавших заявку на участие, выделялась лишь команда детского интерната города Калининска. В прошлом году они и забрали первый приз. Но это и понятно, ребята вместе живут, учатся

и тренируются. Одолеть их нам будет невероятно сложно, даже можно сказать невозможно. Но без борьбы сдаваться никто не собирался, а надежда умирает последней.

Лучшим футболистом среди сельских ребят считался Вовка и не столько из-за техники владения мячом, сколько по своим физическим данным. Высокий и жилистый, он в спортивной борьбе легко оттеснял от мяча соперника. Возможно, поэтому был лидером и авторитетом для пацанов.

Когда все собрались, Андрей Никитич — учитель и тренер, а, по большому счету, сопровождающий команду на соревнования, предложил Вовке разделить ребят на две команды и начать двустороннюю игру. У него в доме остались неотложные дела, и он вынуждено нас покинул.

Я предложил ребятам не приступать сразу к игре, а провести полновесную тренировку с разминкой, отработкой элементарных футбольных приемов владения мячом и ударами по воротам. Вовка со мной согласился, и все возражения ребят пресек.

Всего на тренировку пришло четырнадцать человек. Из них девять были моего и Вовкиного возраста, а пять человек десятилетняя малышня.

— И как же мы будем выставляться в таком составе? — оглядывая команду, спросил я Вовку.

— Так и будем..., затем, может быть, ещё

ребята подъедут..., все предупреждены, — оправдывался брат.

— Ну, хорошо, тогда побежали все за мной по кругу.

Пробежав два круга по стадиону, я остановился, подождал пока добежит малышня и начал проводить с командой разминку. Начал с вращательных упражнений головы.

— Зачем нам твоя разминка? Давайте в футбол уже играть, — слышались недовольные голоса.

— Делайте, что вам говорят! — оборвал пререкания Вовка.

Я пояснил: — Разминка нам нужна для того, чтобы разогреть мышцы. Они у вас не тренированы, и без подготовки возможность получить травму во много раз возрастает... И тогда на соревнованиях вообще играть будет некому.

Ребята пригорюнились, но с этими доводами согласились, стали повторять за мной упражнения.

Затем после разминки я показал им приемы обработки мяча: на грудь и на бедро, стопой ноги. Показал технику удара по мячу. Поделился всеми знаниями, полученными в спортивной школе.

Конечно, обучить за три дня тому, что отрабатывается и шлифуется годами, невозможно. Да и мяч у нас на всех был один. Но без элементарных навыков и понимания основ игры

нечего даже думать о победе.

Поэтому, после того, как мы через полтора часа закончили тренировку и уставшие повалились на траву, я стал рассказывать философию футбола. Как говорил наш тренер Егор Кузьмич, она ничем не отличается от философии жизни. Побеждает тот, у кого больше желание. Сейчас ещё говорят мотивация. Но это не совсем так. Желание более полное понятие. И оно у нас у всех есть.

Затем идут знания, дисциплина и мастерство.

Огромное желание даёт толчок к получению знаний. Знания — это основа основ. Начиная от правил игры, до тактики и стратегии её ведения. Футболисты по полю бегают не хаотично, как кому вздумается, а в строгом порядке, в соответствии с выбранной тактикой и планом на игру. Игроки подобны шахматным фигурам, каждый дисциплинированно выполняет свою функцию на поле. А вот как это удастся, зависит от мастерства исполнителей.

— Но это для нас сложно, — перебил меня Вовка — Какую стратегию и тактику мы будем сейчас изучать, когда два дня осталось до соревнований?

— Это не так сложно, ведь в прошлом году мы сами выбирали план на игру и его выполняли.

— Ха, план! Мы все стояли возле своих ворот и, как могли, отбивались от атак соперника, а ты в

сутолоке подхватывал мяч, убежал и забивал гол... А как ты уехал, мы тут же проиграли.

— Вот это и есть правильно выбранная тактика и дисциплина на поле. Ты у нас капитан и на поле главный распорядитель, да и за полем тоже. За эти дни до соревнований я предлагаю разбиться по два — три человека и каждый день самостоятельно заниматься с мячом. Выполнять упражнения, которые я сегодня вам показывал. Конечно, добиться много не удастся, но хотя бы покатать и почувствовать мяч.

Пацаны мою идею восприняли с радостью. Они мечтали лишний час поиграть таким мячом. Тут же распределились на пары и на тройки, определили для себя удобное время. Мы с Вовкой выбрали час перед вечерней тренировкой. Её ведь никто не отменял.

* * *

Деревенская природа в часы отдыха наполняет силой и энергией. Может быть, поэтому в бабушкином доме спится сладко и легко. Даже старый жирный кот Людвиг после бурных уличных баталий приползает на кухню, забирается в кресло и наслаждается в безмятежной дреме.

Под утро, в сладком сновидении ко мне приходили две сказочные феи. Я их не видел,

только ощущал их присутствие. Они, поглядывая на меня, застенчиво смеялись, между собой перешёптывались, и, улетаая, не забыли предупредить, что все мои желания непременно сбудутся.

От такого посыла я вздрогнул и проснулся. Было уже светло. Первые лучи солнца через окна летней застеклённой веранды, словно позывные Вселенной, пытались развеять остатки сна. Но в блаженной неге я все же закрыл глаза и по свежим, красочным картинкам попытался определить: какие желания и как скоро могут осуществиться? Но мои расчеты перебил едва слышный стук в дверь. Это Вовка подавал мне сигнал: собираться и выходить!

Я быстро надел плавки, накинул спортивные майку и трусы, заправил постель. Подошёл к входной двери, разыскивая свои сандалии, и столкнулся с бабушкой. В отличие от мамы, она уже не спала, вышла из дома нас проводить и дать наказ: быть всегда во всём осторожными.

— Да будем, будем осторожными, не переживай, — снисходительно ответил за меня Вовка. Он уже сидел в седле велосипеда и ждал меня.

— И, сломя голову, по лесу на велосипедах не гоняйте... — строго добавила бабушка.

— Да, ладно, не будем...

Вовка эти наставления выслушивал каждый